

Поспешно поужинав, попрощавшись с ротным, политруком и другими командирами взводов, взводный Лю увёл меня в темноту.

Третий взвод был пехотным, в туннеле за ним закреплялось три комнаты — по одной на каждое отделение. Командир взвода и я жили вместе с первым отделением.

В туннеле стоял удушливый запах сырости, смешанный с потом мужчин и густым табачным дымом. Стоял конец мая, и в Цзяннане уже было довольно жарко. Как только командир третьего взвода вошёл в комнату, он тут же стянул с себя одежду.

— Взводный, совещание закончилось? — спросил один из бойцов, приподнявшись с кровати при нашем появлении.

— А где Хуан Бяо? Опять где-то шляется. Черт побери, почему бы ему лишний раз не повозиться с этой паршивой аппаратурой! — выругался старик Лю, продолжая раздеваться.

Оставшись в одной майке, старик Лю плюхнулся на краешек кровати, начал стягивать сапоги и привалился спиной к стене. По комнате тут же поплыл густой дух вонючей соленой рыбы, и я заставил себя сесть через силу.

— Командир отделения ушел к третьему отделению, я позову его.

Заметив, что у старика Лю дурное настроение, боец поспешно собрался выскользнуть за дверь.

— Сяо Сунь по прозвищу Обезьяна, стоять! Живо позови сюда всех командиров отделений, мать иху! — старик Лю повернулся и окликнул бойца.

— Есть, понял! — тощий боец по фамилии Сунь быстрым движением выскользнул наружу.

— Эта банда только и знает, что в карты играть, когда выдается свободная минута. Меня с утра ротный чуть до полусмерти не отчитал, а они тут прохлаждаются. Эй, Сяо Вэй, чего стоишь столбом? Эта кровать твоя. Располагайся, как дома, не стесняйся. Ого, добротно! Какое полное снаряжение, похоже, в штабе полка к тебе отнесли с особым вниманием!

Заметив, что я всё ещё стою в стороне и озираюсь по сторонам, старик Лю поспешно пригласил меня разобрать вещи и, перебирая моё снаряжение, принялся отпускать шуточки.

Вскоре вбежали трое командиров отделений. Шедший впереди крепкий мужик с голым торсом с ухмылкой обратился к старику Лю:

— Взводный, тебя опять ротный нахлобучил?

— Твою мать, а вы, сорванцы, еще и скалитесь! Меня критикуют из-за таких тупиц, как вы. Утром политрук приходил проверять результаты тренировок — все как один неуклюжие, только меня опозорили. Ротный и сейчас еще злится. А вы хороши, в карты удумали резаться!

Старик Лю побагровел от гнева, стоило ему взглянуть на подчиненных.

— Взводный, мы же после твоего ухода всё время занимались, не сачковали. В семь часов лампочка перегорела, пришлось сделать перерыв. Штуковины эти больно капризные, а вдруг не разберемся и сломаем почем зря? Вот не прошло и пары партий, как ты вернулся. Не веришь — спроси у Сяо Суня. К тому же во время утренней большой проверки ты сам вел себя точно так же!

Хуан Бяо продолжал скалиться, разговаривая со стариком Лю, и протянул ему зажатую в пальцах сигарету.

Похоже, бойцы со стариком Лю были на короткой ноге и соблюдали субординацию весьма условно.

Пойманный с поличным на слове, старик Лю сбавил обороты. Он повернулся, притянул меня к командирам отделений и представил:

— Разрешите представить, это наш новый замкомвзвода, товарищ Вэй Бэйхуэй. Относитесь к нему с уважением, между прочим — настоящий боевой герой.

Трое командиров торопливо вытянулись по стойке смирно.

— Я Хуан Бяо, командир первого отделения, — представился тот.

У Хуан Бяо были густые и длинные брови, а глаза глубоко посажены; лицом он не выделялся, но выглядел человеком проницательным и хватким. Судя поговору, он должен был быть земляком старика Лю.

— Я Сюй Шаобо, командир третьего отделения, — последовал ответ. Сюй Шаобо, судя по всему, был родом из города: кожа светлая, а несколько глубоких морщин на лбу придавали ему зрелый вид. Левша.

— Я Го Юн, командир второго отделения, — ответил Го Юн.

Поначалу, прислонившись боком к тускло освещенной стене туннеля, я не обратил на этого человека особого внимания, но когда он протиснулся в комнату и оказался в кругу света, я на мгновение замер.

Это был классический образ ветерана: комплекцией он не уступал старику Лю, возвышаясь над ним на полголовы, глаза острые, как у ястреба, кожа до черноты выжжена солнцем, а спина слегка горбилась. Впрочем, всё это было в пределах нормы. Больше всего меня поразили ужасающие, бросающиеся в глаза шрамы, покрывавшие половину его торса — от щеки через плечо и до самой груди.

Заметив мою реакцию, старик Лю хлопнул Го Юна по плечу и бросил:

— Подарок от японцев!

Го Юн растянул губы в беззвучной улыбке и внимательно осмотрел меня.

— В эти дни всем обязательно нужно подналечь и досконально освоить новое снаряжение, не ровен час — затевается крупная военная операция, — произнес старик Лю, усаживаясь на кровать.

— Взводный, мы что, готовимся к прорыву? — тут же поинтересовался Сюй Шаобо.

— Точно не скажу. Но если драться, то однозначно придется прорываться.

Старик Лю выпустил струю дыма и ответил:

— Взводный, а если будет прорыв, нам какая-то важная задача достанется?

Я размышлял над этим вопросом весь день, и теперь, когда выдалась свободна минута, решил расспросить офицеров, стоящих на передовой.

— Шиш с маслом, а не важная роль. В лучшем случае — прикрывать фланги механизированных частей, — презрительно фыркнул Сюй Шаобо, плюхнулся на мою кровать, сбросил сапоги и принялся ковыряться в пальцах ног.

— Местность здесь — южные холмы с густой сетью рек и рисовых полей, а в нашей дивизии дефицит гусеничной техники, так что для высоких темпов маневра придется сильно рассчитывать на автодороги. Если грянет сражение, до того как наша дивизия выступит в поход, нужно сперва зачистить позиции вражеской дальнобойной артиллерии, иначе о моторизованном марше нечего и думать. Судя по текущей обстановке, противник уже взял нас в полукольцо на подступах, к тому же дороги и шоссе в этом районе японцы перекрыли и контролируют давным-давно. Нам недавно завезли партию противотанковых и зенитных ракет. С боеспособностью нашей дивизии, думается, нас бросят во второй эшелон — выполнять задачу по прикрытию и защите флангов ударных сил. Эх, да и сам я толком ничего не знаю. Так или иначе, через пару дней все всё узнаем.

Старик Лю, вероятно, уже заметил, что я человек городской и начитанный, поэтому изо всех

сил старался придавать своей речи более книжный оттенок.

— Только вот мы понятия не имеем, как именно передовой командный пункт собирается контратаковать. Мы сейчас находимся в зоне поражения вражеского комплексного огневого удара. Стоит нам покинуть эту гору, как мы лишимся последнего естественного рубежа обороны и окажемся как на ладони под мощнейшим вражеским огнем. До ближайшего к нам вражеского передового военного аэродрома всего триста с небольшим километров, к тому же фронтовая авиация противника со всех аэродромов на побережье и с авианосцев в море способна наносить удары по нашему региону.

Хуан Бяо говорил словно сам с собой, опустив голову и сосредоточенно затягиваясь.

— Товарищ Вэй, вы устали с дороги, умойтесь-ка пока. Условия нынче суровые, вода выдается по лимиту.

Командир второго отделения Го Юн неизвестно откуда вынес мне полтаза воды. Я поспешно поблагодарил его и взял посуду.

Го Юн простодушно усмехнулся, потирая большие ладони, и заговорил:

— Товарищ Вэй, слышал я, вы боевой герой, не могли бы поделиться с нами опытом?

Сидевший неподалеку Сюй Шаобо, который как раз клянчил сигарету у старика Лю, захихикал.

— Чего, Старый Тугодум, завидно, что у человека заслуг вагон и маленькая тележка?

— Хей-хей, а зачем мы тогда в армию шли? Вернешься домой, а врагов не громил — какой ты после этого солдат?! — присев на камень у входа, смущенно пробормотал Го Юн.

— Какой из меня герой. Просто мне повезло чуть больше, чем тем товарищам, что уже сложили головы, — я поднял лицо от таза и замахал руками, с которых капала вода.

— Старый Вэй, ты здесь?

Кто-то окликнул меня на ходу в дверях, судя по голосу — Цзян Лэй.

— Это Цзян Лэй из подразделения радиоэлектронной борьбы при штабе батальона, мы вместе воевали, — повернувшись к остальным, представил я его.

— Добро пожаловать! Проходи, присаживайся, — поднялся со своего места старик Лю.

— Я тоже после госпиталя, только сегодня вернулся в строй, — пояснил Цзян Лэй остальным.

В туннеле стояла дикая сырость, а в комнате из шести человек трое ковырялись в ногах. Цзян Лэй то и дело зажимал нос — похоже, местный аромат давался ему с большим трудом.

203-я дивизия была зачислена в списки действующих войск еще в Гуандуне, только всё это время занималась прикрытием и откатилась сюда с самого прибрежного фронта, не участвуя в серьезных боях. В недавних боях по защите городов соединение вело в основном уличные бои, но костей не сломало.

Старик Лю, Хуан Бяо и Го Юн принимали участие в боевых действиях в одном из уездов провинции Гуандун, причем все трое служили в одном подразделении. Старик Лю успешно командовал небольшим отрядом, прикрывавшим отход главных сил нашей бригады, за что был удостоен ордена «За боевые заслуги» первой степени, а Хуан Бяо получил орден второй степени. Не повезло только Го Юну, который рано получил ранение в бою.

Пока Хуан Бяо давал пояснения, Го Юн сосредоточенно слушал в сторонке, выпуская изо рта клубы дыма, а его пальцы слегка подражали.

Судя по вечерней беседе, Сюй Шаобо и остальные в целом не чувствовали уверенности в предстоящей контратаке.

В конце концов, эта дивизия была резервной, командный состав сбит наскоро из кого попало; большинство бойцов грамотностью не блистали, к тому же провели на «гражданке» уже не один год и совершенно отвыкли от нового вооружения. Командиры, хоть и хлебнули лиха в современной войне, перед лицом совершенно новых способов ведения боя испытывали растерянность — не знали, с какой стороны подступить. На начальном этапе городских оборонительных боев потери первого полка намного превзошли все ожидания. А в эти дни рота засела за усиленные тренировки по развертыванию полевых волоконно-оптических систем связи — и все остолбенели. Говорят, в других ротах дела обстояли точно так же.

И немудрено: с самого начала войны наша армия терпела одно поражение за другим, и для офицеров и солдат это стало тяжелейшим ударом. Раньше считалось, что отставание от американцев есть только на море и в воздухе, а сухопутные силы должны быть на равных.

Череда неудач сильно подорвала веру многих армейцев в собственные силы.

Как воевать дальше? Ни у кого не было ответа. Беспрецедентная мощь объединенного наземно-воздушного огня противника оставила у всех неизгладимое впечатление. В разговоре явно чувствовалась всеобщая тревога. Лишь Го Юн сидел молча, уткнувшись носом в землю и дымя папиросой — оставалось только гадать, что у него на уме.

Вечерние посиделки завершились в долгом молчании.

Хуан Бяо не стал сразу ложиться спать, а отправился проверять дежурство в своем отделении. Один из бойцов захворал, и командир места себе не находил — пошел помочь парню сменить воду и растереть мазь по телу.

Ночью, лежа на кровати, из-за духоты и сырости я тоже скинул рубаху.

В темноте, вдыхая зловоние ног старика Лю и слушая размеренное дыхание товарищей, я постепенно провалился в сон.

Со второго дня пребывания в третьем взводе я вместе со всеми ходил на тренировки и осваивал оружие. Во взводе имелаась небольшая площадка для занятий, где одновременно могли тренироваться шесть-семь бойцов. Разумеется, этот полигон тоже находился под землей, в туннеле.

Наконец-то стало понятно, почему в первую ночь старик Лю отпускал шуточки насчет моего снаряжения: во всем третьем взводе нельзя было отыскать двух бойцов, одетых по единому стандарту. Стальная каска старика Лю была старой моделью семидесятых годов прошлого века, камуфляж Хуан Бяо — флотского образца, а Сюй Шаобо щеголял в паре гражданских туфель. Хуже всего дела обстояли у Го Юна — на одной ноге у него красовался кроссовок, на другой — ботинок.

Сейчас у 203-й дивизии кое-как обеспечивались лишь базовые поставки боеприпасов и горючего, а прочее имущество — продовольствие, медикаменты, обмундирование — находилось в глубоком дефиците. Пробиваясь сквозь непрерывные налеты с воздуха, дивизия преодолела часть пути почти пешком. То, что 203-я при этом сохранила боеспособность и не развалилась, уже было чудом.

Выходит, тот тыловой штабист, что занимался пополнением личного состава, ни капли не солгал.

Третий взвод был укомплектован не полностью — вместе со мной нас насчитывалось двадцать восемь человек. И пускай люди подобрались разношерстные, боевая подготовка велась с железобетонным упорством: разборка-сборка оружия, прицеливание, слаженность отделений, чтение карт — командиры отделений и взвода гоняли нас по очереди.

Боевой дух во взводе держался на высоте.

На позиции 2416 старик Лэй на месте научил меня обращению с винтовкой и ручным пулеметом, но вот управляться с гранатометами, безоткатными орудиями, тяжелыми пулеметами, а также с новыми противотанковыми и переносными зенитными ракетами я поначалу совершенно не умел.

Под руководством полковых инструкторов и старика Лю я принялся шаг за шагом постигать науку. Красноречие Сюй Шаобо среди командиров не знало равных — объяснял матчасть и

показывал приемы он четко и толково, а в работе с картами и песочными часами давал такую фору старику Лю, что тот просто блекл на его фоне.

Как-никак, за плечами у меня было компьютерное образование, пусть и по сокращенной программе колледжа, так что база оказалась куда крепче, чем у бойцов со средним или вовсе неполным средним образованием. На самом деле базовые правила обращения с нашими противотанковыми ракетами и ПЗРК освоить было не так уж трудно; я быстро уловил принципы работы армейского оборудования для обмена цифровыми данными, которые поступили в роту, и теперь без труда справлялся с настройкой простейших систем обмена информацией на поле боя. Трудности вызывали лишь военные параметры и данные, которые легко было перепутать, а уж чтение военных карт и работа с макетами местности давались и вовсе с трудом.

Несколько дней интенсивной подготовки принесли плоды — я даже ухитрился стать во взводе инструктором по зенитным ракетам. Зато в обращении со штатным стрелковым оружием я сильно уступал рядовым бойцам. Говорили, что Го Юн в одиночку управлялся с крупнокалиберным пулеметом — причем вел огонь стоя и бил без промаха.

28 мая. С самого утра мы получили экстренное извещение: переход в высшую степень боевой готовности!

Весь лагерь третьего роты пришел в движение. Без напоминаний и надзора политрука бойцы до блеска начищали и без того сияющие стволы, перепроверяли всё по несколько раз, высыпали патроны из рожков, перебирали их и загоняли обратно по одному, а штыки натирали до зеркального блеска; артиллеристы разбирали и собирали орудия и 40-мм гранатометы, проверяя боекомплект.

Ротный и политрук сновали туда-сюда, лично проверяя каждый взвод. В этот момент им, казалось, было нечем заняться.

Старик Лю с раннего утра отправился с докладом в штаб роты, а днем сопровождал ротного и политрука во время инспекции взвода. Судя по выражению лица командира роты, подготовкой личного состава он остался вполне доволен — воспитательная работа в предыдущие дни, видимо, дала свои плоды.

Когда ротный ушел, я, подражая Хуан Бяо, заново от и до проверил свою винтовку и, убедившись, что всё в порядке, принялся прогуливаться по туннелю.

Го Юн сидел у входа в помещение второго отделения и любовно обихаживал свой ручной пулемет, зажав в зубах кусок стальной проволоки, со скорбным лицом и напряженными желваками. Хуан Бяо инспектировал аммуницию бойцов поодиночке, оглашая туннель громогласными ругательствами в адрес тех, кто не соответствовал требованиям, в ответ на что со стороны бойцов то и дело доносился веселый смех. В комнате третьего отделения Сюй Шаобо со скрещенными на груди руками понуро расхаживал между койками солдат, слегка нервничая. Сами же бойцы третьего отделения стройными рядами валялись на убогих

топчанах.

Заметив мое приближение, Сюй Шаобо тут же уселся на место и принялся листать попавшийся под руку журнал Мод.

Старшина ротной кухни Цзюй Чжу неизвестно где раздобыл гору выпивки и закуски, и по всему ротному хозяйству поплыл аппетитный аромат.

В полдень весь личный состав собрался в штабе роты на грандиозный поминальный пир; помещение было тесным, так что импровизированную столовую развернули прямо в туннеле. Сам пир сводился к тому, что на земляной пол наставили ящики и коробки всевозможных размеров, нагромоздив на них консервные банки, бутылки со спиртным и кружки. Палочек для еды не было и в помине, все ели руками.

Энтузиазм бойцов явно подогревался редкостным изобилием вкусов; тесниться приходилось рядами вдоль стен туннеля, и над толпой стоял мощный гул чавканья. По всему туннелю разносился звонкий смех.

Командир артиллерийского взвода У Бэнь, завидев, что я не пью, без церемоний отобрал у меня кружку и радостно присоединился к общему застолью. Вскоре У Бэнь скинул рубаху, оставшись по пояс голым, а его лицо покраснело точь-в-точь как у вареного омара.

Не привыкший к подобному шуму, я большую часть времени отсиживался в стороне. Оглядевшись, я заметил, что добрая половина людей уже последовала примеру У Бэня и обнажилась по пояс.

Заметив, что я сижу в одиночестве, Хуан Бяо прихватил кружку и подсел ко мне, настойчиво требуя пропустить с ним пару рюмок.

— Дивизионный прибыл!

Когда я еще отмахивался от предложений Хуан Бяо, кто-то зычно крикнул это, и в туннеле вмиг стихло. Я повернулся к выходу из туннеля: с десятков офицеров шли по проходу, подсвечивая дорогу фонариками. Бойцы один за другим поднимались на ноги.

— Это комдив Сюэ Эньпин, никак не ожидал, что он навестит нашу роту. И комполка Жэнь тут же. Похоже, драка намечается серьезная.

Стоявший рядом захмелевший Хуан Бяо толкнул меня локтем и шепнул:

— С чего ты взял? — с любопытством спросил я.

— Без большой заварухи комдив по низовым ротам не шастает. Во всей нашей дивизии народу больше двенадцати тысяч, разве ж комдив всех упомнит, не говоря уж о том, чтобы по окопам в такой момент разъезжать. Товарищ замкомвзвода, помяни мое слово! — ухмыльнулся Хуан Бяо.

Комдив Сюэ подошел к бойцам и начал по очереди пожимать всем руки, то и дело приговаривая:

— Спасибо вам! Спасибо всем! Надежды народа нашей родины теперь зависят от вас.

Стоявший рядом командир полка Жэнь торопливо пояснял что-то на ходу.

Когда Сюэ пожал руку ротному Тяню, тот до того растерялся, что добрую минуту не мог вымолвить ни слова.

Пробыв в роте с десяток минут, комдив отбыл. Сопровождавший его штабист обмолвился, что сегодня Сюэ Энъпин намерен объехать абсолютно каждую роту первого полка.

И впрямь затевается крупная война!

Ротный Тянь возбужденно расхаживал по расположению роты, после чего вовсе сорвал с себя рубаху, поднял кубок с вином и произнес пламенную речь. Зажженные его страстью бойцы дружно взревели, и туннель мгновенно заполнился гулким эхом.

Командир третьего отделения Сюй Шаобо с раскрасневшимся лицом подошел ко мне.

— Замполит, чего не пьешь со всеми? Не выпьешь сегодня — завтра уже может не случиться. А ну, плесни-ка!

Хотя глаза Сюй Шаобо уже затуманились от хмеля, раздеваться по пояс, в отличие от остальных бойцов, он не стал.

— Не могу, желудок алкоголь не принимает. Спасибо на добром слове!

Я с улыбкой качнул головой.

— Тьфу! Тряпка ты, оказывается.

Сюй Шаобо покачал головой и отправился искать других собутыльников.

— После демобилизации Шаобо открыл фирмочку, говорят, водились у него деньжонки. Только

вот жена ему рога наставила, сейчас как раз разводятся, — шепнул мне на ухо Хуан Бяо, изливая чужие пикантные тайны.

— А ты? — поинтересовался я у него.

— Я? Спасибо тестю, после службы пристроили в уездный исполком по административной части — ни рыба ни мясо. Жена в больнице работает, место неплохое, звезд с неба не хватает, но на жизнь хватает. Не то что Лао Го: после армии ему прямая дорога в поле за плугом горбатиться, не случись эта война, так бы всю жизнь и куковал, — лениво разглядывая отражение в кружке, с горькой усмешкой бросил Хуан Бяо.

— А ваши семьи вместе не эвакуировались? Что-то вы про них не рассказывали, — с любопытством попытался я.

— Мои жена с ребенком вроде бы ушли в безопасную зону, да только связи подтвердить нет возможности. А у старика Лю и Го Юна родню японцы при эвакуации разбомбили. Сдаётся мне, счет, который они японцам выкатили, закрыть уже не удастся, — договорив, Хуан Бяо с озлоблением осушил белую до дна.

Я молча глядел на захмелевших в дым старика Лю и Го Юна, затерявшихся в толпе.

Вечером нас, командиров взводов, созвали на совещание в штаб роты. Председательствовал политрук старик Мо. По обыкновению, он разразился очередной политинформацией — в такие моменты его словоохотистости можно было только позавидовать.

Наша дивизия и вправду отвечала за прикрытие фланга наступающих главных сил, причем на долю нашей роты выпадала ударная задача.

Командир роты бесчисленное число раз делал упор на воинскую дисциплину: каждому бойцу предписывалось взять боекомплект на 30% больше обычного в расчете на затяжные бои, а всякие посторонние личные вещи велели оставить по минимуму. Политрук же вновь и вновь напоминал о необходимости беречься от налетов с воздуха, требуя, чтобы взводы бдительно охраняли вверенные ракетные установки.

Совещание затянулось на два часа. Вернувшись во взвод, старик Лю провел с бойцами собственную политинформацию. Никто из солдат никак не ожидал, что нам придется переходить в наступление, и все пребывали в крайнем изумлении.

— Мы военные, приказ есть приказ! — не выдержав, рявкнул Хуан Бяо.